

3. Алданов М. А. Избранные произведения: в 2 т. М., 1991.
4. Алданов М. А. Ульмская ночь: Философия случая // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т.6. М., 1996.
5. Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2008.
6. Вековой заряд духовности: Две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12.
7. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.
8. Исупов К. Г. Пушкин и Чаадаев: диалог о свободе воли и эстетике истории // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991.
9. Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Таллин, 2009.
10. Макрушина И. В. Романы М. Алданова: Философия истории и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001.
11. Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1984.
12. Тамарченко Н. Д. Историческое время // Поэтика: слов, актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008.
13. Чернышев А. Алданов в Америке // Новый Журнал. 2006. № 244 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/244/ch12.html>.
14. Tassis G. L'Œuvre romanesque de Mark Aldanov. Révolution, histoire, hazard // *Slavica Helvetica*. Bern. Vol. 48.

УДК 821.161.1.09"19"

Н. Г. Морозов

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
kaf_ofg@ksu.edu.ru

МОТИВ АПОКРИФА В РАССКАЗЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА «РЕКА ВРЕМЁН»

В статье рассматривается, как осваивается мотив апокрифа в рассказе Б. К. Зайцева «Река времён» (1964). Доказывается, что в произведении Зайцева фрагмент соблазна двух иноков создан вне четких традиций средневековой литературы – византийской и древнерусской. Показывается, что в рассказе Зайцева, как и в сюжете апокрифов, попытка дьявола ввести христианского отшельника в соблазн и погубить его не удалась. Делается вывод о том, что «Река времён» Б. К. Зайцева становится творческим завещанием писателя своим соотечественникам.

Ключевые слова: апокриф, рассказ, христианство, вечность, сюжет, Зайцев, Державин, Пушкин.

N. G. Morozov

Nekrasov Kostroma State University
kaf_ofg@ksu.edu.ru

MOTIF OF AN APOCRYPHAL STORY IN BORIS ZAYTSEV'S STORY «THE RIVER OF TIMES»

The article discusses how to master the motif of the Apocrypha in the story by Boris Zaytsev «The River of Time» (1964). It is proved that in the work by Boris Zaytsev, a fragment of temptation of two monks is created out of a clear tradition of medieval literature, both Byzantine and Old Rus'. It is shown that in Boris Zaytsev's story, just as in the Apocrypha, there is an attempt of the devil to enter the Christian hermit, in the temptation to destroy him, and its failure. The author concludes that «The River of Time» by Boris Zaytsev becomes the creative will of the writer to his lost compatriots.

Keywords: apocryphal story, story, Christianity, eternity, plot, Boris Zaytsev, Gavrila Derzhavin, Alexander Pushkin.

Рассказ Б. К. Зайцева «Река времён» впервые был напечатан в Париже, в «Новом журнале», в номере 78 за 1965 год. Е. Воропаева отметила весьма положительную реакцию литературно-критической общественности русского Парижа: «Критика расценивала “Реку времён” как лучший поздний рассказ Зайцева, написанный на тему “В животе и смерти Бог волен” (Шиляева А. Борис Зайцев. Река времен. – Новый журнал. 1969. № 95, с. 281.)» (2, 570).

Художественную и содержательную глубину этого произведения отметил А. М. Любоумров: «<...> Столь же оригинальный авторский опыт в жанре рассказа, где героями также являются иноки. Закономерно, что *последним* (выделено А. М. Любоумровым. – Н. М.)

художественным произведением писателя стало повествование о монахах – рассказ “Река времён” (1964). Христианское осмысление вечного и преходящего, художественное совершенство, отточенность стиля делают его одним из лучших рассказов русской литературы XX века. Тема вечности, смерти и бессмертия, тайны перехода в иной мир – самые устойчивые в почти семидесятилетней творческой биографии художника» (4, 49).

Поэтому назрела необходимость уделить пристальное внимание поэтике и религиозно-нравственному содержанию этого итогового сочинения Б. К. Зайцева, своего рода творческого завещания писателя своим соотечественникам.

В рассказе Б. К. Зайцева «Река времён» определяются две сюжетные линии мысли автора о судьбах России и Запада. Одна сюжетная линия касается истории дружбы двух почтенных, престарелых иноков, завершающих свой земной путь в русском православном монастыре, на окраине Парижа. Вторая сюжетная линия связана с миром горным и вбирает в себя всё многообразие жизни мира дольного, со всеми его несовершенствами и красотами. В мир вечный готовятся перейти и архимандрит Савватий с другом своим, архимандритом Андроником.

С самого начала рассказа определяется завязка первой сюжетной линии, а за ней второй. Очень разные люди, эти добрые, сердечно сдружившиеся иноки. Это своеобразное единство двух противоположностей всё более проясняется по мере развития повествования. Савватий – «настоящий, кондовый, коренной монах», по определению Андроника (3, 490). Эта «кондовость» охватывает и вбирает в себя достаточно много свойств инока. Прежде всего, в облике Савватия, телесно-плотного, могучего старца, с главой, увенчанной шапкой серебристых волос и большой, пушистой и столь же серебряной бородой есть что-то от простонародного образа Творца. Недаром окружающие прозвали его Саваоф (3, 489). Столь же народными, крестьянскими качествами в избытке наделен Савватий. Этот инок обладает цепкой, деловой практичностью в делах мирских, хозяйственных. Поэтому Савватий – рачительный, надежный игумен эмигрантского православного монастыря.

Совершенную противоположность отцу Савватию являет отец Андроник – высокий, чрезвычайно худой, с огромными, светящимися особым светом христианской любви глазами. Андроник, в отличие от Савватия, – не практичен. Он – ученый-богослов, свободно владеющий древними и современными языками народов Запада. Дни и ночи Андроник проводит в учёных занятиях, изучает историю церкви и богословие. В местной духовной академии читает курс Патрологии. Усердно, не щадя здоровья, готовит, организывает и проводит международные конференции, собирая в монастырской аудитории инославных пастырей-богословов. Цель этих конференций – нести Слово Православной веры в души инославных братьев. За учёность и труды в области богословия, миссионерскую инициативу высоко ценят Андроника насельники монастыря и отец Савватий. «– Великой мудрости и познаний муж», – говорит об Андронике Савватий (3, 490).

Разными жизненными путями пришли к монашеству Савватий и Андроник. Савватий в далёком прошлом – сельский батюшка. После смерти жены как-то естественно принял иночество. Андроник – сын профессора, студент университета. Он пережил любовную драму, испытал сильнейшее потрясение (как и все романтично настроенные юноши) и постригся в монахи. Андроник ушёл в иночество не по созревшему внутреннему убеждению, но в порыве отчаяния и разочарования в мирских идеалах, не имея сил терпеть тяготы и удары жизни. Поэтому опыт Игнатия Брянчанинова к Андронику не приложим. Скорее, Андроник напоминает русского студента-разночинца из романов Ф. М. Достоевского. Этот «ударился» в постриг, другие – в теории сомнительного свойства. Но Андроник счастливо угадал свой путь и направил силу души в благое русло.

Так в рассказе Б. К. Зайцева даёт о себе знать скрытый подтекст первой сюжетной линии – социальный, историко-культурный. Это история дружбы сельского иерея, олицетворявшего

мир деревенской, крестьянской Руси, и – шире – народной России, с представителем русской разночинной интеллигенции. Один преуспел в делах практической жизни, другой – в делах «умственных», от этой жизни далёких. Дальнейшее развитие событий покажет, сколь трудно будут изживаться в бывшем студенте грехи гордыни и славолубия, насколько тяжелым окажется крест иночества. Здесь и наступает момент первого испытания иноков, не укрытых полностью от искушений и соблазнов демонских. Так начинает проявляться в тексте рассказа «Река времён» мотив апокрифа. Это фрагмент, касающийся давно назревшей в русской культуре и православии проблемы: насколько совместим с христианскими ценностями российский XVIII-й век?

Герои рассказа Б. К. Зайцева, пытаясь ответить на этот вопрос, обращаются к авторитету Г. Р. Державина. Они с теплотой отзываются о державинской оде «Бог». Но вот Андроник цитирует отрывок из последнего творения Державина «Река времен»:

«Река времён в своём стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся,
Чрез звуки лиры иль трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И не уйдёт своей судьбы» (3, 495).

Не случайно эти строки, написанные Державиным перед кончиной, Зайцев вложил в уста Андроника. Состояние тоски, мучительных раздумий о том, что ждёт его за гранью земной жизни, каков же смысл всего земного, если в финале – вечная смерть, – где-то созвучно раздумьям и настроению самого Андроника. И не случайно ждёт учёный богослов, в прошлом студент, ответа от «кондового... монаха» Савватия, прочно стоящего на земле, как бы олицетворяющего неподвластность мира Божия всяким «жерлам». Вот здесь и определяется грань перехода от сюжетной линии, связанной с историей дружбы двух монахов-эмигрантов, к сюжетной линии высшего порядка, касающейся мира горнего, вечного, нетленного. Там пребывает Творец Вселенной, Высший Судия. Там же – Христос, Богородица, апостолы, праведники, не оставляющие верных христиан беззащитными перед искусителями из мира Тьмы.

Савватий интуитивно почувствовал опасность, исходящую от вечного искусителя, таящаяся в мрачном признании торжества всё пожирающего «жерла». В этом «жерле», губителе всего земного, инок Савватий справедливо учуял пасть адову. Именно потому он сначала, молча и машинально коснулся креста на своей груди. В сущности, этот жест адекватен чтению молитвы «Да воскреснет Бог и расточатся враги Его...». Жест – молитвенный – дал Савватию силы для разумного и христианского ответа на мрачные слова поэта-безнадежника XVIII-го столетия: «Написано знатно, дорогой авва, но не христианского духа. Господь больше и выше этого жерла. У Него ничто не пропадает. Всё достойное живёт в вечности этой» (3, 496). Андроник тотчас же соглашается с объяснением Саввы и, как бы оправдываясь перед другом за столь мрачную цитату, торопливо даёт пояснения на этот счёт. Дескать, «мы не ангелы», человеки земные, даже подвижники испытывали временное состояние богооставленности... (3, 496). Вместе с этими объяснениями Андроника усиливается и мотив апокрифа о попытке дьявола ввести христианского отшельника в соблазн и погубить его, смутив разум и осквернив душу. Как и случается в сюжете апокрифов, попытка не удалась, дух Тьмы изгнан. Оба архимандрита, Савватий и Андроник, дружно клянутся встретить смертный час, как подобает православным христианам: «Кончину же встретим в тишине, покорности» (3, 496). Разговор переходит на церковные дела, но смысловой шлейф продолжает оказывать воздействие на читателя.

Борису Зайцеву, вероятно, было известно, что Державин написал «Реку времён» на грифельной доске (1, 304). Тем самым поэт дал понять современникам и потомкам, что сотрёт эти строки не человеческая рука, но беспощадное Время: всё унесёт «река времён». Державин наглядно показал хрупкость, непрочность, тленность собственного поэтического искусства перед всеокрушающей мощью «жерла». В этом отчаянии – весь XVIII-ый российский век, в расхристианенные десятилетия которого императорский Петербург и значительная часть «просвещенного» дворянства погрузились в язычество. А все язычники, как известно, в жизнь вечную и бессмертные души не верят. Для них существует вечная смерть, вечный мрак, полное уничтожение. А, следовательно, и забвение вечное. Такое знание приводило в состояние мрачайшей, безысходной депрессии не только Державина.

За ответом архимандрита Савватия на «Реку времён» слышится тихий, но твёрдый голос Бориса Зайцева, знавшего мнение на этот счёт своего любимого поэта А. С. Пушкина:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

...

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал» (5, 332).

Для автора очерка «Слово о Родине» (1938) в истории и культуре Отечества вечно живут два светлых гения-христианина: князь Владимир, креститель Руси, и поэт Александр Пушкин, наполнивший душу России христианским человеколюбием, добром и милосердием. И потому между Державиным и Пушкиным различие такого же масштаба и глубины, как между языческой Русью и христианской державой князя Владимира Святого. Рассказ Бориса Зайцева, апокрифический по форме и историко-литературный по содержанию, – напоминание соотечественникам о великом прошлом Родины и предостережение о таящихся в недрах истории темных, хаотических силах. В заключение необходимо сделать оговорку: фрагмент соблазна двух иноков в рассказе Б. К. Зайцева «Река времён» (1964) создан вне четких традиций средневековой литературы – Византийской и древнерусской. Здесь уместно находить жанровые аналогии с книгой Б. К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский».

Литература

1. *Благой Д.* История русской литературы XVIII в. М.: Л., 1945.
2. *Воропаева Е.* Комментарии. Река времён // Зайцев Б. К. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1993.
3. *Зайцев Б. К.* Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1993.
4. *Любомудров А. М.* Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв в жизни и творчестве: учеб. пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М., 2012.
5. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М., 1968.